

Герменевтика любви в русском литературно-философском романтизме

Авторы анализируют проблему любви в русском литературно-философском романтизме начала XIX в. Процесс интерпретации русскими романтиками идей немецкого романтизма дает возможность проанализировать и выразить в своих романтических произведениях тему любви и образы женщин. Любовь у романтиков анализируется через призму, соотнесения земной, чувственной любви и любви божественной, приобретает характер космического чувства. Авторы считают, что выстраивая цепочку исторических рецепций, можно выявить некоторые смысловые потенциалы исследуемых текстов, которым присуща постоянная историческая динамика, например, темы любви в литературе и философии русского романтизма

Ключевые слова: литература, философия, романтизм, чувственная любовь, божественная любовь, образ, восприятие.

Tamara Lipich, Vasily Lipich

HERMENEUTICS OF LOVE IN RUSSIAN LITERARY AND PHILOSOPHICAL ROMANTICISM

The authors analyze the problem of love in the Russian literary and philosophical romanticism of the early 19th century. The process of Russian romantics interpreting the ideas of German romanticism makes it possible to analyze and express in their romantic works the theme of love and the images of women. Romantic love is analyzed through the prism of correlation of earthly, sensual love and divine love, acquiring the character of a cosmic feeling. The authors believe that by building a chain of historical receptions, it is possible to identify some semantic potentials of the studied texts, which are characterized by constant historical dynamics, for example, themes of love in literature and Russian romanticism philosophy.

Key words: literature, philosophy, romanticism, sensual love, divine love, image, reception.

Известный теолог XX в. Эмерих Корет в одной из своих книг «Основные вопросы герменевтики» отмечает, что герменевтика является ключевой темой современности. На наш взгляд, это утверждение связано, прежде всего, с различными трактовками и пониманием сути самой герменевтики как таковой. Некоторые авторы видят суть герменевтики в методологическом основании гуманитарных наук, для других — она есть универсальный метод познания или даже онтологическая основа любого познания. Между тем весь XX в. может быть охарактеризован проявлением особого интереса к данной проблематике, хотя, скажем, в Советском Союзе только

в 70–80-е гг. можно увидеть всплеск интереса к герменевтическим вопросам. Об этом писали такие авторы, как Гайденко П.П., Рузавин Г.И., Габитова Р.М., Коршунов А.М. и др. В XXI в. интерес к философской герменевтике, в частности, идеям, трудам, М. Хайдеггера и Г.Г. Гадамера значительно возрос.

Известно, что в древнегреческой философской мысли герменевтика понималась как разъяснение, толкование, интерпретация, перевод. Но постепенно область исследовательского применения данного термина становится все более широкой. Это уже не только толкование священных текстов Библии, но и истолковывание произведений художественной литературы. Сегодня мы понимаем герменевтику не только как науку толкования, интерпретации текстов, но и как понимание Другого, другой индивидуальности.

На рубеже XVIII–XIX вв. с зарождением романтизма как реакции на каноны и традиции Просвещения с последующим формированием романтической эстетики и философии происходит универсализация герменевтической проблематики. Немецкий романтик Ф. Шлейермахер внес существенный вклад в постижение этого процесса, прежде всего, пониманием принципа историзма, поиском оснований для понимания чужих текстов. Он считал, что необходимо настроиться на «волну автора», войти в контекст его идей и представлений, в его психику. Поэтому понимание, интерпретация, как целого, так и части, является процессом принципиально незавершенным. Известно, что Д. Мережковский характеризовал русских писателей XIX в. А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Л. Толстого, Ф. Достоевского как авторов священных произведений, которым можно только «служить» (К. Юсупов) и благоговейно их толковать. По авторитетному мнению Г. Флоровского, высказанному им в работе «Пути русского богословия», размышления о герменевтической интерпретации, связанной с определенной методологией исследуемых художественных текстов, сводят к минимуму критически-оценочный аспект.

Однако герменевтической интерпретацией можно назвать только такое отношение к произведению, когда совершается своеобразная трансформация изначального культурно-смыслового содержания в привычные для интерпретатора смыслы, образы, формы культуры, а также опыт осмысления такого перехода. Этим в полной мере воспользовались представители романтической герменевтики. Романтики в ответ на схоластическую науку предложили рассматривать поэтический язык, само литературно-философское произведение как универсальный способ освоения действительности.

Для них художественное произведение выступает как своеобразная объективация культурной традиции эпохи. Для романтической герменевтики важна идея проникновения в индивидуальность автора, в единство сотворчества автора и толкователя его произведения. Этим и объясняется некая субъективность интерпретатора в толковании художественного произведения, в котором романтики стремились к рассмотрению трудных и сложных вопросов бытия, и в первую очередь проблем человеческого существования. Анализ и выяснению этой проблематики в эмоционально-образной форме романтики посвящали свои произведения, наполненные глубоким философским смыслом, которые смело можно назвать «философией в красках».

Русские романтики творчески перерабатывали и интерпретировали литературно-философские произведения представителей европейского романтизма, прежде всего немецкого, который в свою очередь, исходил из тесной взаимосвязи философии и литературы.

Необходимо отметить, что диалоговые отношения философии и литературы были определяющими в русской культуре первой половины XIX в. В свое время М.М. Бахтин справедливо отмечал: «Осознание самого себя все время ощущает себя на фоне сознания о нем другого, «я для себя» на фоне «я для другого»¹. Таким фоном друг для друга выступают литература и философия, которые, принадлежа различным граням духовного опыта, используют разные смыслообразы, метафоры, сравнения, понятия и концепты. Это позволяет поэтам глубже проникать во внутренний мир человека, а философам — осмысливать и формулировать сущностные основания человека при помощи дискурсивных средств литературы. Современный исследователь Г.Д. Гачев, характеризуя русскую литературу XIX в., подчеркивал, что она являлась умом, честью и совестью русской жизни. В этом контексте невольно вспоминаются слова А.И. Герцена, который заметил, что «у народа, лишенного общественной свободы, литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет слышать крик своего возмущения и своей совести. Влияние литературы в подобном обществе приобретает размеры, давно утраченные другими странами Европы»².

Динамично развивавшийся культурный диалог России и Запада первых десятилетий XIX в. приобрел особые формы, предопределил возможность творческой переработки, переосмысления и реинтерпретации идей немецкой классики в культурном сознании России. «Создается своеобразное направление литературно-фило-

¹ Бахтин М.М. Проблема поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. С. 277.

² Герцен А.И. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 7. М.: АН СССР, 1956. С. 198.

софского романтизма, как один из истоков отечественной мысли, как равноправная с теоретической философской мыслью форма познания сущности бытия, и, прежде всего человека, а также как сфера духовной культуры, объединяющая философские идеи с индивидуальным духовным миром человека, его мироощущением»³. Литературно-философский романтизм в России заявлял о себе в жанрах философской поэзии, прозы, критики, эпистолярных сочинениях (философические письма П.Я. Чаадаева).

Представители русского литературно-философского романтизма рассматривали общемировоззренческие проблемы через призму художественной интуиции. Романтики исходили из принципа вне-рассудочного, внерационального познания мира. В формате таких установок романтики рассматривали и тему любви, и образ женщины. Любовь у романтиков анализируется через призму соотношения земной, чувственной любви и любви божественной. Любовь для них — это высшая реальность, высшие идеальные ценности, соединяющие человека с жизнью, с миром, с другим человеком. Но реально существующая жизнь заставляет романтиков переживать мучительное чувство одиночества. Горечи этим переживаниям добавляет и осознание того, что «романтик в одиночестве чудовищно беден, он испытывает ощущение просто трагической, катастрофической недостаточности своего я вне другого я»⁴.

По мнению известного исследователя немецкого романтизма В.М. Жирмунского, романтическая любовь выступает как глубокое прозрение и дает возможность человеку увидеть в любимом человеке его истинную сущность, раскрывающую всю правду и счастье⁵. Известный немецкий романтик Гофман сравнивал любовь с арфой, которая потрясает все человеческое существо и является одним из главных мотивов романтической риторики. Ф. Новалис не один раз отмечал, что любовь выступает посредницей Бога. Поэтому у романтиков любовь выступает однопорядковой категорией, наряду с такими, как универсум, вечность. Более того, женщина, как «вечный прообраз, частица неведомого мира» (Новалис), обожествляется, становится предметом поклонения. Отсюда, романтическая любовь, как правило, не может достичь полноты гармонии, она приобретает мистический характер. Достаточно вспомнить любовь к умер-

³ *Липич Т.И.* Литературно-философский диалог в культурном пространстве России и Германии I половины XIX века. Белгород: БелГУ, 2010. С. 191.

⁴ *Махов А.Е.* Слово, личность, миф. Любовная риторика романтиков. М.: Знание, 1991. С. 10.

⁵ *Жирмунский В.М.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Аксиома-Новатор, 1996. С. 76–77.

шей невесте у Новалиса в «Гимнах к ночи», когда она отождествляется автором с любовью к Богу, или у Байрона, когда он говорит о любви как приближении небес к земле. Не избежали такого понимания романтической любви и русские романтики, многие из которых трактовали это чувство как «апофеоз жизни» (А.И. Герцен). Реальных жизненных примеров романтической любви множество: достаточно вспомнить Д. Веневитинова и его любовь к кн. З. Волконской, Новалиса к Софи Кюн, М. Погодина к кн. А. Трубецкой, любовь Ф. Тютчева к Е. Денисьевой, И. Тургенева к Полине Виардо и др. Возлюбленная при этом наделяется чертами земного и «неведомого», идеального мира, появляется образ женщины из другой реальности.

Одним из первых представителей русской философской поэзии был Д. Веневитинов, который писал, что «истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом просвещения»⁶. О молодом поэте в свое время одобрительно отозвался А. Хомяков, который считал, что именно с Д. Веневитинова берет начало новая эпоха в русской поэзии, где «красота формы уступает первенство красоте и возвышенности содержания». Если же говорить о любовной лирике, то Веневитинов к 1826 г. написал целый цикл стихов, обращенных к любимой женщине — княгине З. Волконской. Центральное место в этом цикле занимало стихотворение «Моей богине», в котором поэт посредством романтической любви к женщине выразил свое отношение и к жизни, и к человеку. Размышляя о возможности и доступности для человека счастья как такового, поэт приходит к выводу, что в обыденном смысле слова оно для человека недостижимо:

Что счастье мне? Зачем оно?
Не ты ль твердила, что судьбою
Оно лишь робким здесь дано,
Что счастья с пламенной душою
Нельзя в сем мире сочетать...

Д. Веневитинов стремился подняться на высокий уровень обобщения. Его размышления о любви носят не интимный и не частный характер. Это область духовно-возвышенного в человеке.

Романтическое переживание любви часто приводит к разочарованию в жизни. Особенно остро это ощущается, когда это чувство связано с гибелью любимого человека или когда герой понимает, что его чувства являются отвергнутыми. Состояние безысходности

⁶ Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза. М.: Наука, 1980. С. 131.

приводит героя к отчаянию и часто выступает причиной бегства или преступления. Достаточно вспомнить такие романтические произведения А.С. Пушкина, как «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы» и др. Анализируя эти произведения, В.М. Жирмунский выделяет два типа женских образов у Пушкина, якобы навеянных произведениями Байрона: это восточная женщина с черными глазами и темными волосами, яркая, буйная, и христианка со светлыми волосами и с голубыми глазами, кроткая и добродетельная. Исходя из этого, можно воспринимать и любовь как «слияние с Богом» или отпадение от него, «разрыв связи времен». А.С. Пушкин постепенно, особенно это заметно в Михайловский период его творчества, приходит к осмыслению любви как источника вдохновения, соотнося ее с внутренней свободой, с пониманием любви не только как земной страсти, но и много глубже. К примеру, в стихотворении «Я помню чудное мгновенье» появляется идеальный образ любви, олицетворяющий собой высшую человеческую ценность:

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Пушкин проходит несколько стадий в понимании любви: от юношеского романтического увлечения в лицейские годы, через понимание любви как страсти в южной ссылке, до понимания этого чувства как высшего проявления человеческой сущности, слияния с Богом, в Михайловском, в последующие периоды своего творчества он соединяет любовь с высшими чувствами свободы и патриотизма. Необходимо отметить, что эти традиции были восприняты и творчески интерпретированы другими русскими поэтами, в частности, в патриотической лирике Некрасова («Памяти Добролюбова»), а также представителей Серебряного века А. Блока («Россия»), Маяковского («Письмо к Татьяне Яковлевой») и др.

В целом же, можно согласиться с мнением многих исследователей творчества Пушкина, что любовь у него имеет позитивный характер, хотя Б.П. Городецкий утверждает, что, даже придя к утверждению трагического начала жизни, в любви «Пушкин открывал красоту»⁷. Философия любви Пушкина стала во многом смыслообразующей и для романтической поэзии Лермонтова, которая во многом носила трагедийный, безысходный характер. Для

⁷ Городецкий Б.П. Лирика Пушкина. М., Л.: АН СССР, 1962. С. 410.

него, личности мятущейся, трагедийной, гениальной любовь не может заполнить пустоту жизни, она могла толкать поэта только к гибели. От нее веет одиночеством и холодом вечности:

Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно...

Лермонтов в своих стихах, пытаясь загладить боль утрат, уходит от реальности в некий фантазийный мир, столь характерный для романтического мировосприятия. Интерес к жизни и ее смысл теряется, и поэтому поэт выходит на высокий философский уровень размышлений о свободе и несвободе, о своем месте в жизни, о божественном и космическом.

У А. Хомякова любовь приобретает космический характер, часто тема любви к женщине совпадает с любовью к России, или с предназначением поэта. Например, его стихотворение «Иностранке», «Лампада поздняя горела»:

Ушла! — но, боже, как звенели
Все струны пламенной души,
Какую песню в ней запели
Они в полуночной тиши!
Как вдруг и молодо, и живо
Вскипели силы прежних лет,
И как вздрогнул нетерпеливо,
Как вспрыгнул дремлющий поэт!

Высочайших вершин достигла любовная лирика у Ф. Тютчева. Вся жизнь его связана с любовью к женщине. Он рассматривал это чувство как несомненную ценность человеческого бытия, которая в то же время может быть убийственна для человека, который, по его мнению, бьется над решением важнейших проблем собственного существования. Ф. Тютчев видит в любви двойственность, единство и борьбу, характерные для космоса: это «луч солнца», но это и «роковая страсть», описываемые в таких стихотворениях, как «Я встретил вас — и все былое...», «Я помню время золотое...», «Предопределение» и др. Особый интерес вызывает его лирический цикл стихов, посвященных Е.А. Денисьевой. Тема вины и страданий, приносимых любимой женщине, становится основной:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Героиня его стихов нравственно чиста, страдая, она превосходит самого героя. Поэт идеализирует свою героиню. Смерть Денсьевой для него является жизненной трагедией.

Жизнь, как подстреленная птица.
Подняться хочет и не может.
Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

Но для поэта любовь в то же время может быть предметом поклонения и источником вдохновенного восторга. Любовь может возвышать, может вызывать мысли о самоубийстве, может предстать как «адская бездна». Многие чувства были навеяны теми душевными переживаниями, которые поэт испытывал в разные периоды жизни. Он призывает на помощь Бога, чтобы тот сохранил ему память о своей любви.

Как стихи, так и проза русских романтиков, предоставляют образы женщин нечеловеческой природы. К примеру, И. Киреевский в романтической сказке «Опал» описывает любовь сирийского царя к девице Музыке Солнца, встреченной им на далекой планете: «Вдруг растворились легкие двери, и в одежде из солнечных лучей, в венце из ярких звезд, опоясанная радугой, вышла девица»⁸. Как видно, этот неземной образ девушки, навеянный фантастическими произведениями романтиков, особенно немецких, имеет ряд ассоциаций как богословского, так и мистико-масонского характера. Отношения влюбленного мужчины и неземной девушки не могут закончиться соединением двух любящих сердец. Романтическая эстетика предполагает только возможность проявления такой любви за гранью земного мира, в потустороннем мире.

Так, примером может служить образ небесной Девы-облака в фантастической повести К.С. Аксакова «Облако» (1837), которая не сможет осчастливить героя Лотария. Созвучность мы встречаем и в другом рассказе К. Аксакова — «Вальтер Эйзенберг (Жизнь

⁸ Киреевский И.В. Опал // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840). Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. С. 218.

в мечте)», в котором эта тема тоже выходит на первый план. Тема мистической любви, роковой любви-ненависти, где неземные образы женщин, являясь проводниками в иной мир, в то же самое время являются и центром этого мира, находят отражение в ряде произведений русских писателей. Эта же тема поднимается в ряде произведений одного из ведущих идеологов русского романтизма В. Одоевского, в частности, в его повести «Сильфида».

Романтические произведения Н.В. Гоголя также связаны с особым отношением к теме любви, хотя она и не является главной в его произведениях. Поэтому, на наш взгляд, нужно более подробно остановиться на этой теме. Ряд исследователей считали, что тема любви в произведениях Гоголя была не основной, хотя «он обмолвился несколькими любовными эпизодами, которые, однако, имеют совершенно определенную окраску, весьма характерную. Всюду любовь является вовсе не в розовом или благодетельном свете. Ее роль далеко не благотворна, и плоды ее горестны и печальны»⁹. Вместе с тем в начале XX в. некоторые исследователи отмечали, что в произведениях Гоголя почти не встречаются образы влюбленных мужчин и женщин. Это выглядело как «своеобразное бегство от действительности, нежелание признавать над собой власти реальных жизненных законов — то есть признак слабости и беспомощности героев»¹⁰. В.В. Зеньковский также не мог не коснуться этой темы у Гоголя. Философ отмечал, что «Гоголь был наделен исключительной чуткостью к эротике, к ужасным и погибельным чарам вечно женственного»¹¹. Обращаясь в своих письмах к друзьям, Гоголь весьма противоречиво характеризовал смысл любви. Для него любовь, с одной стороны, высшее благо и недостижимый идеал, а с другой стороны, это чувство выступает губительной страстью для человека, его наказанием. По мнению Мочульского, «мысли Гоголя о демонической природе красоты и гибельности любви основаны на его личном психологическом опыте»¹². В конечном итоге можно сделать вывод, что для Гоголя трагичность мира и трагичность любви являются отражением его мировосприятия. Так, в его раннем этюде «Женщина» автор раскрывает основной смысл понимания любви: идеальная любовь, созданная богами, и реальная, понимаемая людьми, — весьма различны. С. Шамбинаго пишет: «В антично-романтическом понимании любви Гоголь был определен. Там он преклонялся перед об-

⁹ Южаков С.Н. Любовь и счастье в произведениях русской поэзии // Северный вестник. 1887. № 2. С. 174 — 175.

¹⁰ Шамбинаго С.К. Трилогия романтизма (Н.В. Гоголь). М.: Польза, 1911. С. 87—88.

¹¹ Зеньковский В.В. Н.В. Гоголь. СПб.: Logos, 1994. С. 216—317.

¹² Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 16.

разом Алкиной, небесной Афродиты Платона. В жизни он не нашел подтверждения своей теории»¹³. Более того, если в первых своих произведениях Гоголь рассматривал любовь через призму единства этического и эстетического, то в более поздних произведениях концепция любви начинает приобретать черты их все более полного расхождения, вплоть до противопоставления. В этом смысле интерес вызывает сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки», где любовь молодых героев является основной темой. Хотя уже здесь любовь, так или иначе, соприкасается с потусторонней нечистой силой. В ткань повествования автором вплетаются отдельные детали, характеризующие его понимание любви: это нечистая сила на службе у влюбленных для преодоления всех препятствий. В гоголевских произведениях «Ночь перед Рождеством», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Сорочинская ярмарка» красочно и колоритно описывается нечистая сила в виде чертей и ведьм, тем самым автор характеризует свое отступление от божественной сущности любви. Главным героям часто приходится расплачиваться за это собственным счастьем. Но наиболее яркое проявление амбивалентного понимания любви можно увидеть в повести «Вий»: это губительная и разрушающая сущность красоты и любовного влечения. Полный отход от Бога, грех и падение приводят героя к смерти. В другой повести — «Тарас Бульба» — сильное чувство любви является губительным для Андрия. Таким образом, в своих произведениях Гоголь сознательно идет на разрыв идеала любви и его реального воплощения. По мнению Манна, тема любви для Гоголя не является основной, центральной в творчестве. Исходя из всего этого, можно сделать вывод, что эволюция отношения Гоголя к любви — очевидна: сначала — это преклонение перед женской красотой, потом — размышления о нужности и сомнительной ценности любви, и в конце концов — страх и бегство от любви, признание ее губительной сущности.

Во всех произведениях романтиков показывается недостижимость романтического идеала счастливой любви. Тема двоемрия, мифологическая персонификация неземного мира в женских образах показывает смысл философии любви у романтиков, раскрывая при этом проблемы соотношения мира и сущности человека, актуализирующихся при помощи постижения любви. Для романтиков сущность миропорядка заключена в самой любви, понимаемой не в узко религиозном, или эротическом плане, а в космическом масштабе.

---

¹³ Шамбинаго С.К. Трилогия романтизма (Н.В. Гоголь). М.: Польша, 1911. С. 87.

Душа человека предстает как целая вселенная, и бесконечность этого мира заключается, по мнению романтиков, во всякой истинной любви. Русские романтики в постижении любви особое внимание уделяли ее духовной составляющей. И если для европейского романтизма чувственная любовь приобретала сакральный смысл, то в русском литературно-философском романтизме имеет место интерпретация и переинтерпретация базовых категорий, каковой является категория любви, появляется возможность создания «вторичных текстов» (например, тексты романтиков-любомудров), в которых тема любви носит в большей степени абстрактный характер. Более того, осмысление и интерпретация философии любви у немецких романтиков постепенно переходит в анализ темы равенства полов, эмансипации и раскрепощения женщин. В частности, Ф. Шлегель считал, что нет различий между предназначением мужчин и женщин. Однако в русском литературно-философском романтизме эта тема практически не поднимается.

Современные исследователи литературно-философского наследия предлагают свое видение и понимание темы любви в контексте изменяющихся историко-культурных и цивилизационных условий. Эти условия способствуют, по мнению Х.Р. Яусса, «процессу эстетической рецепции и производства литературы, который осуществляется в актуализации литературных текстов усилиями воспринимающего читателя, рефлексизирующего критика и творящего, т. е. постоянно участвующего в литературном процессе, писателя»¹⁴. На наш взгляд, совершенно справедливо Х. Яусс предлагает дополнить современное восприятие литературно-философского наследия понятием «исторического читателя», находящегося в состоянии «временного отстояния» (Alteritt)¹⁵. Такое «временное отстояние», в свою очередь, должно сохранять определенный контекст, который бы способствовал соответствующему пониманию и восприятию художественного или философского текста. Другими словами, выстраивая цепочку исторических рецепций, можно выявить некоторые смысловые потенциалы исследуемого текста, которым присуща постоянная историческая динамика, оказывающая определенное воздействие, в частности, современное восприятие темы любви в литературе и философии русского романтизма. Характеризуя этот процесс, Яусс Х.Р. отме-

¹⁴ Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 56—57.

¹⁵ Jauff H.R. Alterität und Modernität der Mittelalterlichen Literatur. München: Wilhelm Fink Verlag, 1977. S. 11.

чает, что «литературное прошлое возвращается только там, где новая рецепция воскрешает его в настоящем, будь то изменившаяся эстетическая установка, присваивающая себе прошлое в свободном обращении к нему, будь то новый момент литературной эволюции, бросивший на забытую поэзию неожиданный свет и позволивший разглядеть в ней нечто такое, чего прежде не замечали»¹⁶.

Исходя из этого, можно констатировать, что тема любви в творческом наследии писателей, поэтов, философов, будет актуальна всегда. Каждая историческая эпоха обязательно накладывает свой отпечаток и предлагает последующим поколениям свои смыслы и понимание. Любовь всегда выступает побудительным мотивом человеческой деятельности, степенью его социализации. Поэтому для современного человека весьма важным является анализ исторического континуума и интерпретации литературно-философских произведений романтиков, в которых создавалась философия любви, отражающая своеобразие и национальные особенности определенной культуры.

Литература

- Бахтин М.М.* Проблема поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963.
- Герцен А.И.* Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 7. М.: АН СССР, 1956.
- Городецкий Б.П.* Лирика Пушкина. М.; Л.: АН СССР, 1962.
- Жирмунский В.М.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Аксиома-Новатор, 1996.
- Зеньковский В.В.* Н.В. Гоголь. СПб.: Logos, 1994.
- Киреевский И.В.* Опал // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840). Л.: ЛГУ, 1990.
- Липич Т.И.* Литературно-философский диалог в культурном пространстве России и Германии I половины XIX века. Белгород: БелГУ, 2010.
- Махов А.Е.* Слово, личность, миф. Любовная риторика романтиков. М.: Знание, 1991.
- Мочульский К.В.* Духовный путь Гоголя // *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995.
- Шамбинаго С.К.* Трилогия романтизма (Н.В. Гоголь). М.: Польша, 1911.
- Южаков С.Н.* Любовь и счастье в произведениях русской поэзии // Северный вестник. 1887. № 2.
- Яусс Х.Р.* История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12.
- Яуф Н.Р.* Alterität und Modernität der Mittelalterlichen Literatur. München: Wilhelm Fink Verlag, 1977.

¹⁶ *Яусс Х.Р.* История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 73–74.